

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

TERRY PRATCHETT

The Light Fantastic

Copyright © 1986 by Terry Pratchett
First published by Colin Smithe Ltd., Great Britain.

Перевод с английского *И. Кравцовой*
под редакцией *А. Жикаренцева*

Оформление художника *А. Дубовика*

Серия основана в 2000 году

Пратчетт, Терри.
П68 Безумная звезда / Терри Пратчетт ; [пер. с англ.
И. Кравцовой под редакцией А. Жикаренцева]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-699-15627-6

Он висел над пропастями, бежал от злобных богов и падал с Края Плоского Мира. Но ничто не в силах погубить славного Ринсвинда, самого неумелого и трусливого волшебника Диска. Также в ролях: Двацветок (турист), Октаво (волшебная книга заклинаний), Сундук (сундук), Коэн (варвар), друиды, герои и прочие обитатели Плоского Мира.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-15627-6

© Перевод. И. Кравцова, 2006
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Солнце поднималось медленно, словно не было уверено в том, что это стоит таких усилий.

Над Дисксом занимался еще один день. Разгорался он очень неторопливо, и вот почему.

Когда свет встречается с сильным магическим полем, он тут же теряет всякое представление о спешке и мгновенно замедляет скорость. А на Дисксе магия до неприличия сильна, из чего следует, что мягкий желтый утренний свет скользил по спящему пейзажу, будто прикосновение нежного любовника или, как выразились бы некоторые, словно золотистый сироп. Периодически он притормаживал, чтобы заполнить долины. Скапливался у горных хребтов. Достигнув Кори Челести, десятимильного шпиля из серого камня и зеленого льда, отмечающего Пуп Диска и служащего домом местным богам, свет начал громоздиться ввысь. И, наконец, обрушился гигантским, ленивым, бесшумным, как бархат, цунами на расстилающийся дальше темный ландшафт.

Подобного зрелища не увидишь больше нигде.

И это естественно, ведь другие миры не передвигаются по звездной бесконечности на спинах че-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

тырех исполинских слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи. Звали Ее — или, согласно другой школе философской мысли, Его — Великий А’Туин. Она — или, может статься, Он — не сыграет в последующих событиях важной роли, но для понимания Диска жизненно важно знать, что Она — или Он — находится там, внизу, под залежами руд, морским илом и фальшивыми ископаемыми костями, положенными туда Создателем, которому делать больше нечего, кроме как сбивать с толку археологов и внушать им дурацкие теории.

Звездная черепаха Великий А’Туин, чей панцирь покрыт коркой замерзшего метана, изрыт метеоритными кратерами и отшлифован астероидной пылью. Великий А’Туин, чьи глаза похожи на древние моря, а мозг размером с континент, по которому скользят маленькие сверкающие ледники-мысли. Великий А’Туин, обладатель огромных, медлительных ласт и отполированного звездами щитка, медленно, с трудом плывущий сквозь галактическую ночь и несущий на себе всю тяжесть Диска. Огромный, как миры. Древний, как Время. Безропотный, как кирпич.

Ну, вообще-то, тут философы заблуждаются. На самом деле Великий А’Туин оттягивается на полную катушку.

Великий А’Туин — это единственное существо во вселенной, которое абсолютно точно знает, куда оно направляется.

Конечно, философы уже много лет спорят о том, куда может направляться Великий А’Туин, и часто выказывают обеспокоенность тем, что они никогда этого не узнают.

Но им суждено узнать это месяца через два. И вот тогда они попляшут...

Тех философов, у кого фантазия была побога-че, волновал несколько иной вопрос: каков все-таки пол Великого А'Туина? Они затратили немало времени и трудов, пытаясь разрешить эту загадку раз и навсегда.

И вот сейчас, по мере того как огромный темный силуэт проплывает мимо, подобно бесконечной расческе из черепашьего панциря, мы можем наблюдать результаты последних деяний этих философов.

То, что, кувыркаясь, пронесится рядом, — это вышедшая из-под контроля бронзовая оболочка «Могучего Вояжера», этакого космического корабля эпохи неолита, построенного и вытолкнутого в пространство жрецами-астрономами Крулла. Это королевство очень удобно расположилось на самом Краю света и недавно доказало, что такая штука, как космонавтика — в данном случае рептилионавтика, — существует даже на Плоском мире.

Внутри корабля находится Двацветок, первый турист Плоского мира. Недавно он провел несколько месяцев, путешествуя по Диску, а теперь стремительно покидает его по причинам, которые довольно-таки запутанны, но имеют некоторое отношение к попытке бегства из Крулла.

Эта попытка удалась на тысячу процентов.

Однако, несмотря на то что Двацветок вполне может стать первым и *последним* туристом Диска, он тем не менее всю наслаждается открывающимся видом.

Следом за ним, поотстав мили на две, падает

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

волшебник Ринсвинд, облаченный в то, что на Диске считается скафандром. Скафандр этот чем-то напоминает водолазный костюм, созданный людьми, которые никогда не видели моря. Шесть месяцев назад Ринсвинд был совершенно обычным неудавшимся волшебником. Потом он встретил Двацветка, за совершенно возмутительную сумму денег стал его гидом, и с тех пор жизнь Ринсвинда круто изменилась. Он подвергался обстрелам, запугиваниям, преследованиям, висел без всякой надежды на спасение над всякими пропастями и — как, например, сейчас — падал с огромной высоты.

У него нет времени любоваться видами, потому что перед его глазами бесконечной вереницей проносится прошлая жизнь, которая заслоняет весь обзор. Он постепенно начинает понимать, почему, надев скафандр, так важно не забыть прихватить с собой шлем.

Много можно было бы добавить, чтобы объяснить, почему эта парочка покидает свой мир и почему Двацветков Сундук, который в последний раз видели прыгнувшим вслед за хозяином, — это не совсем обычный предмет багажа. Однако подобные вопросы требуют времени, которое не стоит на них тратить. К примеру, однажды на одной вечеринке знаменитого философа Лай Тинь Видля спросили: «Почему вы здесь?» Ответ занял три года.

Что гораздо более важно, так это события, происходящие наверху, высоко над А'Туином, слонами и быстро теряющим кислород волшебником. Самая ткань пространства и времени вот-вот будет пропущена через мясорубку.

Воздух был характерно маслянистым на ощупь и едким. Здесь царила магия и дымили свечи из черного воска, о точном происхождении которого мудрый человек не станет спрашивать.

В этой комнатке, расположенной глубоко в подвалах Незримого Университета, ведущего магического учебного заведения Плоского мира, присутствовало нечто очень странное. Прежде всего, у нее было слишком много измерений, не то чтобы видимых, но бродящих где-то рядом, вне поля зрения. Стены были покрыты оккультными символами, а бóльшую часть пола занимала Восьмикратная Печать Застоя. Эта печать, по общепризнанному в волшебных кругах мнению, обладала поразительной сдерживающей силой, которой может похвастаться лишь летящий прямо в цель кирпич.

Единственной мебелью в комнате была кафедра из темного дерева, вырезанная в форме птицы, — ладно, ладно, если честно, в форме некоего крылатого существа, к которому, впрочем, лучше не присматриваться. На этой кафедре, обмотанная тяжелой цепью с замками, лежала книга.

Большая, но не особенно внушительная книга. У других книг в университетских библиотеках имеются переплеты, инкрустированные редкими камнями и восхитительным деревом или обтянутые драконьей шкурой. Однако этот фолиант был переплетен в довольно потрепанную кожу. С виду он походил на те книги, которые описываются в библиотечных каталогах как «слегка потрепанные», хотя честнее было бы признать, что его не только «трепали», но грызли, кусали и, возможно, драли когтями.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Металлические застёжки удерживали его в закрытом положении. Особенной красотой они похвастаться не могли, зато отличались прочностью — как и цепь, которая не столько прикрепляла фолиант к кафедре, сколько ограничивала его свободу.

Выглядели застёжки так, словно были сработаны человеком, преследовавшим конкретную цель и посвятившим бóльшую часть жизни изготовлению сбруй для слонов.

Воздух сгустился и пошел клубами. Страницы книги начали совершенно жутко, нарочито неспешно потрескивать, а потом из них выплеснулся наружу голубой свет. Тишина охватила комнату, словно медленно сжимающийся кулак.

Подюжины облаченных в ночные рубашки волшебников по очереди заглядывали внутрь комнатки сквозь небольшую решетку в двери. Поспишь тут, когда вокруг творится такое — аккумулирующаяся сырая магия волной захлестнула Университет.

— Так, — раздался чей-то голос. — Что происходит? И почему не послали за мной?

Гальдер Ветровоск, Верховно-Великий Заклинатель Серебряной Звезды, Имперский Лорд Священного Посоха, Индивидуальнейший Восьмого Уровня и 304-й Аркканцлер Незримого Университета, даже в алой ночной рубашке с вышитыми вручную мистическими рунами, даже в длинном колпаке с помпоном на конце, даже с подсвечником в стиле «Спимоя-детка» в руке, представлял собой весьма внушительное зрелище. Ему совсем немножко не хватало, чтобы выглядеть импозантным даже в мохнатых шлепанцах в виде зайчиков.

К нему повернулись шесть перепуганных лиц.

— Э-э, но за тобой посылали, господин, — сказал один из волшебников уровнем пониже и услужливо добавил: — Именно поэтому ты здесь.

— Я имею в виду, почему за мной не послали раньше? — рявкнул Гальдер, проталкиваясь к решетке.

— Э-э, раньше чего, господин? — удивился волшебник.

Гальдер свирепо посмотрел на него и отважился бросить быстрый взгляд сквозь решетку.

Воздух в комнате искрился от крошечных вспышек — это частички пыли воспламенялись в потоке сырой магии. Печать Застоя начинала пузыриться и закручиваться по краям.

Кстати, книга, о которой идет речь, называлась Октаво. И надо отметить, что это была необыкновенная книга.

Существует множество знаменитых трудов в области магии. Кое-кто может упомянуть Некротеликомникон, страницы которого сделаны из древней кожи ящериц; некоторые могут указать на «Книгу Священнаго Перихода, Что Вершится Около Двух», написанную таинственной и довольно ленивой сектой ламаистов; кто-то может припомнить, что «Гримуар Крутой Потехи» содержит единственную во Вселенной оригинальную шутку. Но все они не более чем дешевые брошюры по сравнению с Октаво, книгой, которую Создатель Вселенной с характерной для него рассеянностью позабыл на Диске вскоре после окончания своей грандиозной работы.

Восемь заключенных на ее страницах Заклинаний вели особую, таинственную, запутанную жизнь и, согласно всеобщему мнению...

Гальдер, не отрывая взгляда от ходящей ходу-

ном комнаты, нахмурил брови. Заклинаний, разумеется, осталось всего семь. Некий юный идиот, студент-волшебник, умудрился заглянуть в Октаво, и одно из Заклинаний сразу выскочило наружу, умолившись в его голове. Никому так и не удалось разобратсья, как это случилось. Как там звали этого придурка? Рислинг?

На корешке книги сверкали октариновые и пурпурные искры. От кафедры заструился вверх тонкий завиток дыма, а тяжелые металлические застежки, удерживающие гримуар в закрытом положении, аж выгнулись под давлением изнутри.

— Чего это Заклинания разбушевались? — спросил один из младших волшебников.

Гальдер пожал плечами. Он и виду не показал, что происходит нечто страшное, но в глубине души он, честно говоря, перепугался. Как искусенный волшебник восьмого уровня, он видел полувоображаемые силуэты, которые постоянно возникали в трепещущем воздухе и творили угодливые, зазывные жесты. Подобно тому как гроза притягивает мошкару, по-настоящему мощный заряд магии всегда привлекает к себе Тварей из Хаотичных Подземельных Измерений — мерзких Тварей (сплошь как попало слепленные органы и слюна)*, вечно выискивающих

* Не будем их подробно описывать, поскольку даже самые симпатичные выглядят как помесь осьминога с велосипедом. Хорошо известно, что Твари из Отвратительных Измерений постоянно пытаются проникнуть в эту вселенную, которая в духовном смысле считается местом с хорошим автобусным сообщением и близко расположенными магазинами.

щели, через которые можно протиснуться в мир людей.

Этому надо положить конец.

— Нужен доброволец, — твердо сказал Гальдер.

Наступила внезапная тишина. Единственный звук доносился из-за двери. Это был неприятный скрежет металла, расходящегося под невероятным давлением.

— Что ж, ладно, — подытожил Гальдер. — Тогда мне потребуются серебряные щипцы, примерно две pintы кошачьей крови, маленький хлыстик и стул...

Говорят, противоположность шума есть тишина. Это не так. Тишина — это всего-навсего отсутствие шума. Тишина показалась бы жуткой какофонией по сравнению с внезапным мягким коллапсом бесшумности, который накрыл волшебников, словно разлетевшийся под порывом ветра одуванчик.

Из книги вырвался толстый столб брызжущего света, врезался, полыхнув пламенем, в потолок и исчез.

Гальдер, не обращая внимания на тлеющие участки своей бороды, уставился на образовавшуюся дыру и драматически ткнул в нее пальцем.

— В верхние погреба! — вскричал он и скачками помчался по каменным ступеням.

Остальные волшебники в хлопающих шлепанцах и развевающихся ночных рубашках ринулись за ним, спотыкаясь друг о друга в страстном желании оказаться последними.

Тем не менее все подоспели вовремя, чтобы увидеть, как огненный шар оккультной потенциально-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

сти исчезает в потолке, проникая в вышележащую комнату.

— Э-э, — сказал самый младший из волшебников и указал на пол.

До того как сквозь него, яростно расшвыривая вероятностные частицы, пронеслась магия, это помещение являлось частью библиотеки. Так что было резонно предположить, что маленькие пурпурные тритоны имеют нечто общее с паркетом, а ананасовый крем некогда мог быть книгами. Позже несколько волшебников клялись, что невысокий печальный орангутан, сидящий посреди этого хаоса, был подозрительно похож на главного библиотекаря.

Гальдер задрал голову.

— В кухню! — проревел он, скользя по крему к следующему лестничному пролету.

Никто так и не узнал, во что превратился огромный чугунный набор кухонной посуды, потому что он проломил стену и спасся бегством еще до того, как отряд растрепанных, дико вращающих глазами волшебников ворвался в двери. Шеф-повар, ответственный за приготовление овощей, был обнаружен много после; он прятался в котле для супа, невнятно бормоча маловразумительные фразы типа: «Костяшки! О эти жуткие костяшки!»

Последние струйки магии, несколько замедлившие скорость, исчезали в потолке.

— В Главный зал!

Лестница здесь была гораздо более широкой и лучше освещенной. К тому времени, как задыхающиеся, пропахшие ананасами волшебники — те, что повыносливей, — поднялись наверх, огненный шар

уже достиг середины огромного, полного сквозняков помещения, которое именовалось Главным залом Незримого Университета. Там шар и завис. Небольшие протуберанцы время от времени пробегали по его поверхности, угрожающе потрескивая.

Волшебники курят, это общеизвестно. Скорее всего, именно этим объяснялся хор замогильного кашля и скрежещущих хрипов, раздавшийся за спиной у Гальдера. Трезво оценив ситуацию, главный волшебник стал прикидывать, а не поискать ли ему какое-нибудь укрытие. Придя к некоему решению, он заграбастал первого попавшегося студента.

— Ну-ка, провидцев, ясновидцев, сновидцев и погруженцев сюда! — рявкнул он. — Пускай изучат эту штуковину!

Внутри огненного шара начал вырисовываться какой-то образ. Гальдер прикрыл глаза рукой и вгляделся в возникающие очертания. Ошибки быть не могло. Перед ним предстала вселенная.

Он был абсолютно уверен в этом, поскольку у него в кабинете стояла модель вселенной — и кстати, согласно всеобщему мнению, модель эта была куда более впечатляющей, чем оригинал. С мелким жемчугом и серебряной филигранью Создатель явно пожадничал.

Но крошечная вселенная внутри огненного шара была неестественно... как бы это сказать... настоящей. Только цвета ей не доставало. Все сияло прозрачной, туманной белизной.

Здесь присутствовали и Великий А'Туин, и четыре слона, и сам Диск. Правда, угол был выбран неудачно, поэтому поверхность Плоского мира Галь-